

**Повторные переводы художественной литературы  
и читательская оценка: А судьи кто?  
(на материале переводов А. Грызуновой и М. Немцова)**

П. А. Колосова

Тверской государственный университет

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

Необходимость повторного перевода классической литературы на данный момент не вызывает возражений у теоретиков перевода. Однако, на практике такие новые переводы классики как правило вызывают негативную реакцию у русскоязычного читателя. Причины такой резкой критики со стороны читателя неоднозначны.

**Ключевые слова:** художественный перевод, классическая литература, повторный перевод, интерпретация, деятельностная теория перевода, филологическая герменевтика.

**Retranslations of fiction and readers' reaction to them (based on translations by M. Nemtsov and A. Gryzunova) by P. A. Kolosova, Tver State University.** It is commonly acknowledged that literary works should be retranslated from time to time. However, translators' efforts are not always appreciated by the Russian reading public. The paper looks into the reasons behind it.

**Keywords:** literary translation, retranslation, literary classics, interpretation, philological hermeneutics

В последнее время русскоязычный читатель занимает все более активную позицию в оценке качества художественных переводов, что связано, с одной стороны, с развитием Интернета как пространства для открытой дискуссии, а, с другой стороны с повыше-

нием процента читателей, в той или иной мере владеющих английским языком, способных обратиться к оригиналу и на этом основании считающих себя в праве выносить оценки работе переводчика.

Особенно бурную дискуссию вызывают повторные переводы британской и американской литературы, которая стала для русскоязычного читателя классической в «канонических» советских переводах. Реакцию читателей на повторные переводы произведений художественной литературы нельзя назвать однозначной. Тем не менее, нужно отметить, что в общей массе отзывов преобладают негативные — от умеренной критики до полного неприятия. Представляется важным разобраться, с чем связано столь критичное отношение читателя к усилиям переводчиков, и насколько оно в итоге справедливо.

В качестве примеров мы обращаемся к переводу романа Сэлинджера «The Catcher In the Rye», выполненному Максимом Немцовым, и к переводу романа «The Wuthering Heights» Эмили Бронте, выполненному Анастасией Грызуновой, а также к читательской реакции на данные переводы. Данные переводы интересны в первую очередь тем, что они изначально мотивированы как раз представлениями переводчиков о неверности и неточности переводов Риты Ковалевой-Райт и Надежды Вольпин соответственно, которые для читателя выступают в качестве «канонических».

Главная претензия к переводу Ковалёвой-Райт, которая становится очевидна даже при очень поверхностном сопоставлении перевода и оригинала — его излишняя пригаженность и цензурированность. Вполне понятно, что в условиях советской действительности уступки цензуре были единственным шансом донести современную американскую классику до отечественного читателя. Однако образ сэлинджеровского главного героя, Холдена

Колдфилда, который говорит с читателем со страниц романа, неизбежно искажается. Из подростка-бунтаря он превращается в глубоко интеллигентного мальчика из хорошей семьи, хоть и переживающего непростой жизненный период. Этот недостаток и стремится устранить М. Немцов. Его перевод первоначально противопоставлен переводу Р. Ковалевой-Райт даже названием — у Немцова роман превращается в «Ловца на хлебном поле», что уже немало возмущает читателя, для которого 40 лет альтернативы переводу Ковалевой-Райт просто не существовало. М. Немцов, не будучи ограниченным цензурой, щедро сдабривает свой перевод молодежным сленгом и жаргонизмами. Однако, этот его излишний энтузиазм так же идет во вред тексту — сленг и жаргонизмы (в том числе элементы тюремного аргота) зачастую вводятся переводчиком без видимой на то необходимости. В итоге главный герой через такую речевую характеристику превращается в беспризорника и уличного хулигана, что так же не вполне соответствует образу оригинала. Нам кажется, что сэлинджеровский герой — золотая середина между героями переводов Р. Ковалевой-Райт и М. Немцова.

Претензии к советскому переводу «Грозного перевала» не столь очевидны и спорны. Тем не менее, А. Грызунова открыто заявляет о своем несогласии с предложенной Н. Вольпин интерпретацией романа в своем «Живом журнале», комментируя выход своего собственного перевода в издательстве «Эксмо»: *«граждане, да вы спятили. это истерически смешная книжка — и нет, не потому, что полтора с лишним века прошло, она всегда была истерически смешная. редактировал это все, мы понимаем, мой сын, который потратил год (опять же, год! но другой год) жизни на честную научную работу про то, в частности, что „Грозной Перевал“ — ПАРОДИЯ на готический роман (там не только про ГП шла речь), и поэтому, соб-*

*ственно, я отдельно счастлива, что он меня редактировал, — он понимает, что внутри»* (авторская орфография и пунктуация сохранены). Обращение к англоязычным и отечественным источникам не подтверждает мысли переводчицы о пародийной природе романа Э. Бронте. Однако именно она выступает главной предпосылкой для создания нового перевода. При этом пародийность А. Грызунова передает специфически, насыщая текст перевода архаичной и, откровенно говоря, странной лексикой. Сопоставление перевода с оригиналом выявляет полное стилистическое несоответствие — оригинал написан вполне прозрачным для современного читателя нейтральным языком. Таким образом, можно сказать, что переводчица искусственно увеличивает дистанцию между автором и читателем — читателю приходится продираться сквозь нагромождения архаичной лексики, что затрудняет процесс понимания текста. Тем не менее, перевод А. Грызуновой не лишен достоинств. Так, переводчица стремится сохранить в переводе диалектизмы, которые полностью игнорируются Н. Вольпин.

Завершая этот обзорный анализ переводов Грызуновой и Немцова, можно сказать, что они тяготеют к концепции переводческой непрозрачности в сфере художественного перевода, поскольку переводчики вполне намеренно отражают в переводах свое собственное понимание авторского текста и свои вкусовые предпочтения. Об этом свидетельствует, например, позиция Анастасии Грызуновой, открыто заявленная в ее личном блоге. Непрозрачный переводчик не отождествляет свой перевод с оригиналом, подчеркивая, что перед нами лишь одна из возможных его интерпретаций. Существует несколько точек зрения относительно того, на какого читателя ориентированы подобные переводы. Есть мнение, что такой перевод рассчитан на квалифицированного и подготовленного читателя, активного участника переводче-

ского эксперимента. Согласно другой точке зрения, популярность таких переводов объясняется низким уровнем литературной культуры и слабым литературным чутьем части читательской аудитории, потому что «переводы, созданные с соблюдением принципа прозрачности, зачастую представляются такому читателю слишком гладкими, пресными и маловыразительными. При этом ожидание от перевода яркой выразительности иногда основывается только на том, что читатель, не владея в достаточной мере исходным языком, усмотрел такую выразительность во вполне традиционно написанном тексте оригинала» [1: 37].

Одной из очевидных причин читательской критики является убежденность в непревзойденно высоком качестве работы переводчиков советской школы, «каноничности» их переводов. Именно в советских переводах романы Сэлинджера и Бронте стали классикой для русскоязычного читателя, и поэтому предлагаемая в них интерпретация авторского текста воспринимается как традиционная, естественная и порой даже как единственно возможная. Безусловно, подобная читательская установка не способствует объективности. Кроме того, если читатель первоначально (и особенно в юном возрасте) знакомился с текстом в другом переводе, действует механизм который переводчица Анастасия Завозова в своих соцсетях называет «переводным импринтингом», т. е. «какой перевод прочитал первым, тот и полюбил, несмотря на его недостатки». Можно говорить о том, что такому читателю «мешает» ранее прочитанный и проинтерпретированный текст. Интерпретация как бы предшествует чтению, и все средства текста переперевода читатель пытается уложить в рамки уже существующей у него интерпретации. При этом вполне предсказуемо могут нарушаться читательские ожидания, а также возникать различного рода несоответствия. Это касается в первую очередь читателей перевода романа Сэлинджера, выполненного

М. Немцовым. Роман прочно вошел в текстовую решетку русской лингвокультуры и полюбился русскоязычному читателю именно в переводе Риты Ковалевой-Райт. Именно поэтому, свыкшись с приглаженным отцензурированным образом главного героя, русскоязычные читатели так активно порицают «Ловца на хлебном поле», который при всех своих недостатках и перегибах хотя бы предпринимает попытку приблизить образ Холдена Колдфилда в переводе к сэлнджеровскому герою. Это демонстрируют многочисленные отрицательные отзывы читателей на сайтах книжных интернет-магазинов и бурные обсуждения в социальных сетях. Самой главной претензией к переводу М. Немцова по сути является то, что это не перевод Ковалевой-Райт. Некоторые читатели заявляют, что они открыли и закрыли этот перевод, написанный «совершенно возмутительным языком».

Относительно перевода романа Э. Бронте, выполненного А. Грызуновой, читатели также не скупятся на резкие высказывания. Так, литературный критик Галина Юзефович в своем личном блоге пишет: «Это удивительное чтение и удивительное переводческое решение, которому, на мой взгляд, не может быть ни одного разумного обоснования. Грызунова зачем-то превратила „Перевал“, написанный лапидарным и нейтральным языком XIX века, в иронически-архаизированный текст с барочными завитушками...». Далее следует целая ветка комментариев, которые дружно порицают перевод А. Грызуновой порой даже в более сильных выражениях, среди прочего называя перевод Грызуновой «преступлением против классики и против читателя». Разумных голосов, которые указывают на то, что перевод Грызуновой вовсе не отменяет других переводов, как более ранних, так и возможных новых, куда меньше.

По словам У. Эко, перевод — это «сказать почти то же самое», однако, за этим самым «почти» кроется огромное про-

странство для разночтений и дискуссии. Так или иначе, такая живая дискуссия вокруг новых переводов классики в Интернет-пространстве не может не радовать, поскольку она отражает читательскую заинтересованность и способствует популяризации классической литературы.

### **Литература**

1. Бузаджи Д. М. Переводчик прозрачный и непрозрачный. Мосты. 2009 2(22). С. 31—38.